

"Диагноз судебной системе: больной скорее мертв, чем жив"

Любовь Благушина — выпускница Всесоюзного заочного юридического института, бывший юрисконсульт тульской кондитерской фабрики "Ясная поляна" и следователь прокуратуры с почти десятилетним стажем — была избрана судьей Центрального районного народного суда города Тулы в 1986 году. Спустя десять лет она добровольно решила уйти из системы, почувствовав, по ее словам, как "после вольницы тебя вдруг заковывают в цепи — и говорят, что так нормально". В настоящее время возглавляет коллегия адвокатов "Благушина и партнеры".

— Вас выбирали народным судьей еще при советской власти. Что это были за выборы?

Формально, конечно, все было. Возили по коллективам, я должна была отчитываться. Заказывали в типографии листовки с моим портретом и биографией и на улицах развешивали. Я предварительно повстречалась с заводским коллективом, который меня выдвигал. Альтернативы никакой не было. Единогласно избрали, никто не был против. Всем понравилась (моя кандидатура). В этом году будет 40 лет, как я в системе. Юбилей.

— И каков Ваш диагноз этой системе?

Больной скорее мертв, чем жив. На 80 процентов сегодняшняя нестабильность в обществе, общественные возмущения, которые волной накатывают, спровоцированы отсутствием нормальной судебной системы. Потому что человек не чувствует себя защищенным. Выборы, экология, бизнес, здравоохранение, обучение, коммуналка, транспорт — все упирается в судебную систему. Поэтому такое громкое название: "третья власть". Вот она и должна быть властью. Плохой, какой бы он ни был, но закон есть закон, соблюдай его, вне зависимости от того, бродяга ты, бомж или премьер министр. Иначе бардак, иначе анархия, иначе коррупция. Как кто-то может не понимать, что если закон не соблюдается, то валится все: все институты, экономика... Все валится в тартарары.

— Больного никак не реанимировать?

Только волевым решением сверху. Пока власть устраивает то, что происходит, ничего изменить нельзя. Бунтарей сейчас в судьях нет.

— Неужели ни одного?

А Вы таких знаете? Я не знаю ни одного.

— Ну, я встречалась в последнее время с несколькими бывшими судьями, довольно жестко критикующими систему. Правда, критика обычно начинается после того, как их из этой системы выживают.

Меня никто не выживал из суда, никаких намеков мне не делал, что надо уходить. Но было ясное понимание, что складывается такая ситуация, в которой я уже не смогу работать. Это как после вольницы тебя вдруг заковывают в цепи — и говорят, что так нормально. А вольница была...

— В советские времена?

Нет, в советские времена был застой, или стабильность, — как хотите, так и называйте. Все было предсказуемо, любую ситуацию можно было просчитать и сказать, как она будет развиваться.

Но я бы не хотела сказать, что нас особо беспокоили звонки из обкома партии или из исполкомов — не знаю, может, где-то наверху что-то и решалось, но, пока я работала судьей, я ни одного такого звонка не имела. А потом пришла вольница. Был Пашин, появилась концепция этой судебной реформы — это рубеж 91-93 годов.

И особенно большую роль сыграли события 93-го года, когда обкомы заставили освободить помещения и заселили туда суды. А когда Хасбулатов подписал концепцию судебной реформы, про нас все вообще забыли. Никаких звонков, никаких ходов — мы почувствовали себя действительно полностью самостоятельными.

— Вы такими себя почувствовали или такими стали на самом деле?

Я могу говорить о себе и о тех судьях, кто был рядом и делился со мной своими мнениями, а как было по стране — я не могу сказать.

— Вы все выходцы из советской тоталитарной системы. Неужели все так просто: после того, как о вас забыли, вы все стали сразу независимыми? Получается, чтобы поменять менталитет, достаточно оставить в покое?

Это зависит от внутренних качеств. В каждом человеке есть и хорошие, и порочные черты, и что главенствует — то и определяет этого человека на любой должности, в том числе на судейской.

Я никогда не забуду один случай, которому я стала свидетелем, я пронесла это (воспоминание) через всю свою жизнь. Когда я пришла работать секретарем судебного заседания — это был 1972 год, — я работала с председателем Привокзального районного суда города Тулы. Это была бывшая военная, огромных размеров старая дева (замуж она так и не вышла), резкая в суждениях, категоричная, но она для меня стала образцом. И однажды мы проводили выездное судебное заседание на предприятии — на кондитерской фабрике "Ясная поляна". Судили за мелкие хищения — там же подворовывали: прянички, конфетки. Никого, конечно, в тюрьму не посадили, но тогда было модно публично, в актовом зале осуждать расхитителей государственной собственности. Я нормально это все воспринимала, но удар я пережила в конце, когда обожаемая мною председатель зашла в кабинет к директору предприятия и вышла оттуда с конфетами — дефицитным "Птичьим молоком" и пряниками, и спокойно с этим вышла через проходную. Это был удар ниже пояса: она только что тетку, которая ребенку своему выносила конфетки, потому что ей, может, не хватало, осудила — и потом сама же взяла дорогостоящие дефицитные конфеты и спокойно вынесла. Я испытала шок, и я была уверена, что я никогда так не буду делать. Вот спросите меня, почему я пошла в судьи.

— Почему Вы пошли в судьи?

Вы помните фильм "Знатоки"? "Наша служба и опасна, и трудна, и, на первый взгляд, как будто не видна..." Вот такая я была. И служила: в прокуратуре 10 лет служила, ночами, было искреннее понимание долга. И среди тех, с кем я работала, я не видела таких морально извращенных людей, каких я наблюдаю сейчас: ни в милиции, ни в прокуратуре... Мой любимый, ныне покойный, прокурор ездил на служебном задрипанном "Москвиче", носил заячью шапку, синее служебное пальтишко.

И никогда не забуду одну сцену. Я не была членом КПСС. (Это было как раз на изломе — 1985 или 1987 год, — и у меня тогда еще шел комсомольский стаж, мне еще не было тридцати лет, поэтому меня, беспартийную, избрали судьей). И вот, приходит одно дело, и меня вызывает прокурор (это был единственный подобный случай) и говорит: "Возьми дело и пойди в обком партии, чтобы там его почитали, доложи (о расследовании)"... Я говорю: "Не пойду". Он: "Иди". Я: "Не пойду". Дошло до того, что я это дело в его сторону запулила: "Вам надо, Вы член партии — вы и идите!". Он говорит: "Ну ты даешь!". Вот так у нас можно было разговаривать с прокурором. И я не пошла, он сам ходил, и дело это потом не взяла — он сам расследовал. И никаких репрессий, никакого прессинга, и никому он на меня не пожаловался из вышестоящего руководства. Это вот вам "жесткие советские времена".

— А что тогда такое была эта вольница, о которой Вы упомянули?

А вольница — это ты, твоя совесть и закон. Всё. Вот это — вольница. Вот в период этой вольницы, в этот короткий период где-то с 93-го по 96-й годы, я вынесла пять оправдательных приговоров. ПЯТЬ.

— Это много, по-Вашему? Это за три года? Из скольких рассмотренных дел?

Сейчас не вспомню цифры, не хочу врать. Ну, конечно, не 25 процентов оправдательных приговоров было, но они были. И учтите, что тогда еще использовался институт возвращения дел на доследование, а качество следствия в то время по сравнению с сегодняшним — это земля и небо. У суда поддерживались теплые отношения с прокуратурой...

— Вот скажите, откуда эти теплые отношения?

Это идет издалека: (у прокурорских и судей) одна комсомольская организация, одна партийная организация, один профсоюз. Все вечера вместе: Новый год, 8 Марта. Ну, как из этого выпадешь? Никак. Отношения были замечательные. Когда я ушла в суд со следствия, бывший мой начальник стал прокурором района, в котором я работала. И у нас были прекрасные отношения. Но это никак не влияло негативно (на мою независимость как судьи), не вызывало желания закрывать глаза на нарушения. Помню, как от него пришло дело, я ему звоню и говорю: "Володя, забери свое дерьмо! Я не буду выносить здесь обвинительный приговор, давай я верну тебе на доследование". Вот так строились отношения. А потом как-то все резко изменилось.

— **Когда именно?**

Вы знаете, уже в 95-м году стали гайки закручивать.

— **Рановато. Многие судьи, с которыми я разговаривала, рассказывали, что все стало меняться на рубеже 90-х и нулевых. Выходит, в Туле еще при Ельцине началось?**

Да. Еще при Ельцине. С чем это было связано — я не знаю: может, опомнились, что предоставили (судьям) много прав. Тогда начали появляться дела, в которых были интересы чиновников, государства — и не только государства, а отдельных лиц. Стала появляться каста неприкасаемых, милиция стала меняться.

— **Понять бы, с чем это связано. Вот, вроде, была вольница, вы независимы, никто не вам звонит — и вдруг...**

Не "вдруг". Постепенно начали. Я даже не сразу поняла.

— **А когда окончательно поняли?**

В 96-м году было твердое убеждение, что в тех условиях, которые начинают навязывать, я работать не смогу. И тогда я приняла решение об отставке.

— **Как именно Вам навязывали эти новые условия?**

Ну, как навязывали? Любой оправдательный приговор стал восприниматься как недопустимое обстоятельство, любой обвинительный мог устоять, а оправдательный — обязательно отменялся. Создавалась такая ситуация: хочешь иметь хорошие показатели в работе — любыми путями выноси обвинительный приговор. Потом, совершенно по непонятным для меня причинам, судьи, которые занимали принципиальные позиции, становились изгоями.

— **А как судья становится изгоем?**

Начинают отменять его решения, говорят о плохом качестве работы, ставят под сомнение его профессионализм. Ну, вот как Пашина изгнали? Когда изгнали Пашина, это был удар ниже пояса для всех судей. Это была публичная порка. И мне кажется, что эта публичная порка в корне перевернула сознание судей, и те, кто не желал мириться, решили уйти, а остались те, кто решил, что надо приспособливаться. А потом начался приток новых кадров. А новые кадры шли не для того, чтобы вершить правосудие. Новые кадры шли за собственным благополучием.

— **В чем выражалось это изменение в сознании судей? Что происходило, что все почувствовали, что вольница кончается? Вы это лично как-то чувствовали?**

В первую очередь — чувствуешь зависимость от обстановки, которая вокруг тебя создается. Оскорбительно, например, воспринимать вынесение оправдательного приговора как факт, свидетельствующий о получении тобой взятки. Почему-то ставится знак равенства между взяткой судье и оправдательным приговором. Это неправильно, это унижительно.

— **Можете привести какой-то конкретный пример? Кого Вы так оправдали, что Вас стали обвинять в коррупции?**

Ой, как сейчас трудно об этом говорить... Была у меня троица, которую обвиняли в групповом изнасиловании. Это были ребята, занимавшие не последнее место в городе. Какая-то там была грязная подоплека, само изнасилование было совершенно натянуто и совершенно недоказуемо. Не было никаких доказательств. Я вынесла оправдательный приговор — и разразился жуткий скандал, что, якобы, мне заплатили. Не было там никаких плат, там было законное решение, и оно прошло кассацию, а разговоры все равно шли. Тогда не вызывали еще на ковер, но скользкие намеки (со стороны начальства) проскальзывали. Неприятно было.

— Вы же наверняка общаетесь с бывшими коллегами. Что они говорят про нынешние времена? Как им сейчас работается?

А мои коллеги на 90 процентов в отставке. Все мое поколение ушло. Некоторые — чуть попозже, лет через пять (после меня).

— Но Вы же общаетесь — как адвокат — с действующими судьями...

Ну, как Вы себе представляете мое нынешнее общение с судьями? Вот, разве что недавно было такое неформальное общение с судьей Подопригоровым (этот судья Тверского суда фигурирует в списке Магнитского — РР).

Я пришла в порядке статьи 125 — мы обжаловали действия следователя СК по контрабанде, и то ли мы ждали кого-то, но у нас был такой пятиминутный перерыв. И вот, он на меня смотрит с таким выражением лица: мол, какого черта вы сюда ходите? Ну, мы же все равно не удовлетворим ни одной вашей жалобы. Я говорю: "Сергей Геннадьевич, ну так же нельзя!". А он: "Да о чем Вы говорите? Вы что думаете..." Вот я дословно передаю, потому что я никогда это не забуду, я умирать буду — не забуду: "Вы что, думаете, что 37-й год не вернется?". У меня был ужас, я похолодела. "А Вы думаете — вернется?". А он говорит: "Конечно!". "И правильно, — он мне говорит. — Мои предки в 37-м к стенке ставили". "Бааа, — говорю, — тогда мы по разные стороны баррикад, потому что моих предков расстреляли". Вот может такой моральной наполненности человек быть судьей? Я считаю, что нет. А ведь он молодой человек, 1974 года рождения.

— Вот интересно, на что рассчитывают эти молодые судьи, прокуроры? У них же впереди большая часть жизни. Неужели они не боятся за свою репутацию, не боятся следа, который они оставят в истории? Ну, или хотя бы того, что рано или поздно на Западе проголосуют за список Магнитского или другие похожие списки, и они никогда не смогут поехать в Куршевель?

Дело даже не в Куршевелях, как мне кажется. Возьмите любого судью, прокурора — они про Бога забыли. Самый страшный грех — гордыня. Забравшись на этот Олимп, они возгордились, они посчитали, что они выше интересов людей. Да не ты вершишь правосудие! Жди суда Божьего!

У меня был один поразительный случай. Я тогда уже перешла в адвокатуру и одновременно возглавила филиал одной правозащитной организации в Туле, и мы вели активную деятельность по борьбе с беспределом сотрудников милиции. И мы заставили эксгумировать труп человека, которого убили в милицком кабинете. Мы довели дело до суда, нам повезло, что одного они не добились, и он пошел заявителем. И вот, председатель суда — он был выходец из МВД — выносит оправдательный приговор. И эти убийцы — особенно главный, каратист — довольные, радостно потирают руки. Тогда моя дочь (она на том процессе представляла интересы потерпевших) говорит: "Ну, что же вы такие радостные? Вы же человека убили! Ну ладно — этот суд, но от суда Божьего не уйдешь". И — бац! — получаем через месяц информацию, что этого милиционера точно таким же способом убили. Мы еще удивлялись, когда читали заключение судмедэкспертизы, это просто какая-то мистика: у него были точно такие же телесные повреждения, от которых скончался наш потерпевший.

Судья тогда посчитал, что сделал доброе дело, а сделал злое дело: осудил он его тогда — тот бы честно отбыл свое наказание и, может, был бы до сих пор жив. Таких историй много.

Источник: publicpost.ru

Мария Эйсмонт

Автор: Мария Эйсмонт © Babr24.com ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 3168 30.10.2012, 00:30 👤 349
URL: <https://babr24.com/?ADE=109591> Bytes: 14627 / 14444 [Версия для печати](#)

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Мария
Эйсмонт.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

Календарь

Зеркала сайта